ЖУРНАЛ ТВОРЧЕСТВА ТАМБОВ
„В ГОСТЯХ У АРХИЕРЕЯ"
1989

НЕ2 НЕ ФИТ

ФИТ

ФРИ

Январь 1990 г. принимает из рук декабря 1989 г. второй номер журнала "Неофит". Переступив эту грань мы вместе с ним оказываемся в 90-х годах перед Третьим Тысячилетием. И еще одно десятилетие становится тенью от нас. Мы приближаемся к новому времени. Насущной задачей сейчас, в конце века становится проблема осмысления духовного наследия прошлого и достижение современных уровней в области духа.

Именно, поэтому "Неофит" с этого номера начинает публиковать статью А. Грязнева о Ф. Ницше. В этом выпуске - первая часть статьи, где речь идет о жизни немецкого мыслителя. Мы можем не соглашаться с отдельными мыслями Ницше, но отвернуться от них мы не вправе. Никакое значительное явление не должно быть упущено из виду.

Также в "Неофите" № 2 еще один новый автор - В. Мальков, участник студии "Слово". Публикуются его стихотворения, многие из которых положены Владимиром на музыку.

И, конечно, в журнале напечатаны поэзия и проза участников Творищества. Это, обещанный в первом номере, рассказ А. Тормосова, а также глюк-проза А. Медведева, его поэзия и несколько новых стихотворений А. Арфеева.

Неофит продолжает движение...

редактор журнала Андрей СОБОРНЫЙ

О
В Р
Т И
С Щ
Е

"Скоро кончится век,
Так короток век.
Ты,наверное,ждешь
Или нет..."

БГ

"Самая великая польза,которую мы можем принести,состоит в том,чтобы путем расширения сознания,улучшения и обогащения мышления, и очищения сердца усилить наши излучения, и таким поднятием вибраций оздоровляще воздействовать на все окружающее".

"...хочу напомнить Вам о совершенной неотложности осознать наступление Нового Века.Огненные энергии в страшном напряжении устремлены к Земле, и ,неосознанные и неприменённые,они будут вызывать и уже вызывают разрушительные землетрясения и другие космические пертурбации,так же как и революции,войны и новые эпидемии.Мы находимся у самого предверия нового века, новой расы...".

Из писем Е.И.Рерих /1879-1955/

"В прежней бездне
Безверия
Мы -

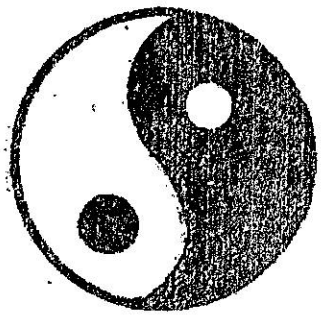
Не понимая,
Что именно в эти дни и часы -

Совершается,
Мировая
Мистерия..."

Андрей Белый /из поэмы "Христос Воскрес"/

"Всему своё время, и время всякой вещи под небом.Время рождаться, и время умирать;время насаждать, и время вырывать посажденное.Время убивать, и время врачевать;время разрушать, и время строить;Время плакать, и время смеяться;время сетовать, и время плясать;время разбрасывать камни, и время собирать камни;время обнимать, и время уклоняться от объятий; Время искать, и время терять;время сберегать и время бросать; Время раздирать, и время сшивать;время молчать, и время говорить;Время любить, и время ненавидеть;время войне, и время миру".

Книга Екклезиаста



Желание невозможного или Фридрих Ницше, мы и „Дух тяжести"

"И только когда вы все отречетесь от меня, я вернусь к вам. Поистине, братья мои, другими глазами буду я тогда искать потерянных мною: другой любовью буду я тогда любить вас".

"Ты бежишь вперед? Как путеводитель многих, или роковем один? Или может быть оттого, что ты беглец?"

"Вот с чего я начал: я разучился сочувствовать себе!"

"Не в том, что ты ниспроверг кумиров, а в том, что ты ниспроверг их поклонника в себе, была твоя доблесть".

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Для вечно дерзающих, вечно ищущих, вечно недовольных и собой и мироздением имя Фридриха Ницше всегда будет обладать странной, демонической притягательностью. Этот "сумрачный германский гений" заглянул в такие ужасные бездны и поднялся на такие, сверкающие холодным льдом, высоты духа, которые нам только иногда приоткрываются в лихорадочном бреду. Порой мне кажется, что Нечто, рассерженное тем, что кто-то из смертных дерзнул проникнуть в инфернальные сферы, покарало Ницше, ввергнув его искрометный мозг в безумие.

Нам трудно понять человека,большую часть жизни страдавшего неизлечимой болезнью,причинявшей ему безмерные страдания,и находившего в этом благо.Болезнь подарила Ницше минуты несказанного духовного взлета,когда его могучий дух отделялся от жалкого тела и улетал в космические выси,где между ледяных звезд бродил его Заратустра,напевая мрачные песни,чтобы вынести свое "последнее одиночество".

Болезнь закалила его волю.Стойкость и мужество в страданиях стали для Ницше важнейшей жизненной добродетелью,наверное, и поэтому он так яростно обрушивался на христианство - религию сострадания,считая что состраданием уничтожается и страдающий и сострадающий.

Ницше же его страдания несли то,что он называл "великим здоровьем",таким здоровьем,когда он с радостью принимал то,что для других было бы убивающим.Он считал,что "жизненное здоровье" человека определяется тем,какую долю болезненного,какую долю страданий может взять на себя человек:"Место,занимаемое человеком на иерархической лестнице,определяется теми страданиями, которые он может вынести".И никто не служил страданию вернее и преданнее,чем Ницше.Он был рыцарем духа,непреклонным по отношению и к себе и к другим.Сверхчеловек Ницше - это в первую очередь безмерно страдающий человек;страдающий от того, что понимает:счастье недостижимо и что человеку представляется только одна достойная возможность - героический жизненный путь.И само понятие "Сверхчеловека" у Ницше ничего общего не имеет с той "фашиствующей бестией",с тем "античеловеком" в которого он превратилось под пером и в словах вульгарных и злостных "интерпретаторов" Ницше.

Можно спорить и действительно много спорили о том,с кем приходится иметь дело в лице Ницше - с поэтом или мыслителем. В нем живут и действуют ,и притом с одинаковой страстностью, различные противоборствующие мысли;не только в различных его сочинениях,но даже сплошь и рядом и в одном и том же сочинении выступают как будто различные личности.Главные свои мысли облекал,однако,в поэтические формы,потому что самые дорогие для себя,самые сокровенные мечты он мог выразить лишь в широких образных чертах.Сам Ницше очень ясно высказался об отношении поэтического и философского элемента у него и о значении для него этих двух элементов:"Постоянной задачей моей было смотреть на науку с точки зрения искусства,а на искусство - с точки зрения жизни".

Ницше был человеком контрастов.Контраст,печатью которого отмечены все его стремления,который стал роковым для всей его жизни и значение,которое он имеет - есть контраст высокого воодушевления и глубокого отвращения.При условии здоровой душевной жизни эти два противоположных состояния являются различными сторонами одного и того же цельного настроения;у Ницше же это были две враждебные силы,которые боролись друг с другом, оспаривая господство над его духом и волей.В этой борьбе он погиб.Преклонение перед великим и высоким,страстное стремление к нему,желание действовать для него,составляли,бесспорно, сокровеннейшее ядро его души;но антипатия к низкому и слабому, презрение к нему брали верх в нем и гипнотизировали его,следствием этого было то,что дело,за которое он хотел бороться,отступало на задний план перед тем,что он хотел побороть.

Преобладающее место, занимаемое в его творчестве антипатиям, стоит в противоречии не только с его способностью к воодушевлению, но и с той любовностью, задушевностью, которую он проявлял в своих более близких отношениях к людям. И он сам также чувствовал это. В письме к своей знакомой фон-Мейзенбург /1875 г./ он пишет: "Этой осенью я решил каждое утро начинать с того, чтобы спрашивать себя: нет ли кого-нибудь, кому ты мог бы сегодня сделать что-нибудь хорошее? своими сочинениями я доставляю неприятности слишком многим и должен поэтому стараться как-нибудь заглаживать их". Несколько лет спустя /1883г./ он писал своему другу Эрвину Роде: "Я хорошо знаю, что то представление, которое в настоящее время /тогда он в своих сочинениях вел особенно резкую полемику/ дают обо мне мои книги, совершенно не соответствует тому представлению, которое сохранил обо мне в своем сердце мой друг. У меня, действительно, есть "вторая натура", с одной "первой" я уже давно бы погиб!"

Сильное преобладание антипатий противно не только воодушевлению и любви, но также и оптимизму, столь страстно защищаемому Ницше в позднейшие годы.

Все более и более, в преувеличенных выражениях он требовал утверждения жизни, признания ее ценности. Но как мог он этого требовать, если мир переполнен всем отвратительным и жалким, как он это постоянно вспоминал. Своих противоборствующих настроений он не мог примирить ни в форме великой скорби, ни в форме великого юмора, ни в форме великой скорби. Колебания между дионисийским опьянением и разъединяющей дисгармонией все более и более приближали его к распаду. Здесь мы вправе искать влияние болезни. Он честно боролся с ней, ибо это был мужественный человек; человек сильной воли. Он глубоко чувствовал широкий размах своих "внутренних колебаний"; но когда критики называли его "эксцентричным", он с горестью говорил: "Эти господа, не имеющие никакого понятия о моем центре, о великой страсти, служению которой я посвятил свою жизнь, едва ли могут понять, где я до сих пор был вне своего центра, где я, действительно, был "эксцентричен". Мужество свое Ницше показал в работе и в страдании, в своей непризнанности и одиночестве. "Никакие страдания не были, не должны быть в силах соблазнить меня на лжесвидетельство в моих показаниях о жизни, какой я знаю ее по своему опыту" /из переписки 1880 г./

"Существование мое есть страшное бремя, и я давно бы его сбросил с себя, если бы именно в этом состоянии страдания и почти полного отречения я не имел возможности производить поучительные опыты и эксперименты в духовно-нравственной области; эта утеха ненасытной жажды знания поднимает меня на такие высоты, где я побеждаю все мучения и все отчаяние".

Лишь одного боялся он — сострадания. Этот страх, составляющий такой странный контраст его мужеству, находит себе объяснение отчасти в том, что сам он закалил себя, но также и в связи с его мягким характером, для которого сострадание могло стать искушением. Сострадание представлялось ему, в конце концов, как последний великий грех, в который можно еще впасть, когда все другие прегрешения будут преодолены.

Однажды Ницше сказал: "Мне кажется, что я кое-что разгадал в душе высшего человека — возможно каждый, кто разгадает это, должен погибнуть". "И когда в январе 1889 года из Турина и Базеля пришли вести о страшном Ницше душевном недуге, многие из тех еще из числа его почитателей в разных концах Европы, кто уже начал осознавать роковое величие судьбы этого человека,

вероятно, повторили про себя горестный возглас Офелии: "О, что за гордый разум сокрушен!", - шпоал Томас Манн.

Форма литературного творчества Ницше обусловливается его темпераментом и болезненностью. Он чувствовал потребность концентрации, и в том, что им написано, есть известные положительные мысли, которые он стремился развить до конца. Но он не был в состоянии подчинить захватывающее настроение минуты требованиям основной мысли и основного настроения. Отсюда несогласованность высказываемых им мнений: подъем одного мгновения не всегда совпадает с подъемом одной минуты. Афоризм становится излюбленной его формой. Каждый отдельный афоризм дает известной точке зрения возможность найти себе законченное, меткое выражение, что бы затем уступить место другим афоризмам, в которых высказывается прямо противоположное. В значительной части Ницше был обязан своей популярностью, именно, этой форме, благодаря которой так легко получить хотя бы "шапочное знакомство" с его книгами. Найти действительный центр его не так легко, по его собственным словам, но еще более затрудняется это и его собственной формой изложения.

Андрей ГРЯЗНЕВ

АНДРЕЙ ГРЯЗНЕВ

ЛЮДИ ТРАВЫ
-ВЫ!
ПТИЦЫ КАМНЕЙ
-ЭЙ!

Памяти друга

Средь дунных трав летят синицы
жемчужной нитью стынет бубенец
в лазурях пронеслись зарницы
в их отблесках затерянный беглец
как ветер движет бледным соком
по тонким стеблям так и он
здесь появился ненароком
но взят - и длится сон
и будет время - я сейчас не смею
среди несущейся толпы
я угадать когда-нибудь сумею
его глаза растерянной листы

Рефлексия

черный тоннель
накатывается
белый
рассеянный
свет
и
прорвав
зеленую
мембрану
проносится
за-спину
в черный тоннель

я смотрю как на улице падает снег
сидя перед окном в теплом доме
в каждой снежинке – дом
в каждом доме
окно каждой снежинки
за которым в теплом доме – я
смотрю как на улице падает снег

дыхание оконного цветка
нежного и кроткого зимою
простерло руки на стекло
и дальнее незнятно стало

А. Тормосов

01:01

Рассказ-ощущение

Ночь. Зелёное электронное табло высвечивает 01:31. Прозрачная плоскость отделяет меня от всего внешнего. Лунный свет смешивается с холодным, ровным светом времени, делая его зыбким и неопределённым. Все очертания смазываются, утопая в сером, липком, тягучем веществе. Оно накатывается на меня медленно и безудержно, постепенно накаляясь добела, принимает вид раскалённой лавы. Огненно-красное, смешанное с дымом, заполняет все вокруг. Неимоверно душно, губы стали сухими, трудно даже сказать слово... Вспышки... Появляются желтые вспышки. Что это? Они все интенсивней и ярче, пока желтый не становится преобладающим. Все успокаивается. Ровный ярко-желтый цвет. Ощущение необычайного душевного подъема. Хочется петь..., но слов нет. Я не нахожу их для этой песни. Я не знаю языка...

Все исчезает, проваливаясь в ту же липко-серую гадость. Холодный, зеленый свет

Кисл

времени тихо струится в мутном пространстве. Входит та, которую я так давно жду. На ней длинное малиновое платье. Распущенные волосы ниспадают черной волной на плечи. В руках удивительно-голубая, искрящаяся вода в прозрачном стакане. Она протягивает его мне. Голос тишины шепчет её губами: „Пей. Это даст тебе Все"... Стакан выскальзывает из её рук и разбивается вдребезги. Тысячи

[illegible]

светящихся голубых капелек разлетаются во все стороны, покрывая плоскость. Вода стекает по ней, все чётче и чётче вырисовывая очертания предметов...

Я иду, смутно представляя зачем. Сегодня мой первый день. Шаг за шагом, я поднимаюсь по широкой чугунной лестнице. В руках у меня картина в тяжелой золоченой раме, ... кажется, Рокотов. Шаг за шагом, я прокожу по огромному залу, картина в руках уже другая, я чувствую это по весу. Видимо, это семьдесят шестая. Я устал. Легкость и неизменность. Зеленое электронное табло высвечивает 11:31.

Я сижу в мягком кресле и пью чай без сахара. Вокруг меня разговаривают о Бялыницком-Бируля и еще о чем-то, связанным с телевидением. Но мне нужно успеть. Я сажусь в желтый „Икарус" не глядя

Я сели на пружины

на номер, да это и не важно, потому что все они, похоже, едут в мою сторону. Напротив меня стоят двое. Женщина, лет двадцати пяти, удивлённо-наивными глазами изучает мои длинные волосы и порванные на коленках джинсы. К груди она прижимает толстую связку с какой-то проектно-сметной документацией. Второй, очень высокий и худой, с туповатым взглядом, внимательно рассматривает инструкцию о пользовании аварийным люком. Справа старуха 63-х лет. Сморщенные временем руки украшает наколка и пять серебряных перстней. Её, видно, что-то раздражает. У противоположного окна слева сидит несчастная женщина, которой, может быть, не повезло с мужем. Лицо её очень сильно разбито и заклеено пластырем, правый глаз запухший. На коже толстый слой пудры.

Но мне нужно успеть. Я спешу к той, которую так давно ждал. Мне необходимо успеть, потому, что я, кажется, люблю её. Она сидит на скамейке в потрепанном, выцветшем халатике, положив ногу на ногу, и очень бледная. Я подхожу, сажусь перед ней на корточки и целую её колено. Она смотрит на меня усталыми карими глазами. — „Как ты?"

„Всё позади." — отвечает она. Голос у неё очень мягкий и тихий. „Пойдем, здесь холодно". Мы сидим обнявшись полчаса. Она положила мне голову на плечо, а руки — на колени. Кажется, она чуточку любит меня.

Запах ваты сменяется опавшими листьями. Воздух настолько прозрачен, что, вроде бы, его нет совсем.

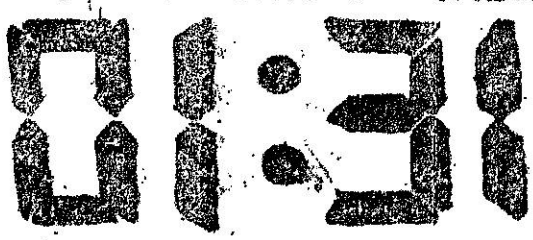
Я иду к одному из нас. Наверное, сейчас должен подойти ещё кто-то. Мы разговариваем, похоже, о языке и ещё об Абсолютном. Но вот я один. Тягучая серая тяжесть медленно скрадывает очертания. Всё кончается.

А, если, не кончится НИКОГДА.

Или это ТОЛЬКО НАЧАЛО?

А, может, — вечность...

Зеленое электронное табло высвечивает



окт. 89 г.

— Тыр-р-р...! Диванные пружины выпрямились, освобождаясь от биомассы, которую в свой черед привели в работу внутренние сигналы. Она была дряблой и снаружи морщинистой, имела название „Дядя Юра" и добралась по ночной квартире в сторону Слепого Хью. Раскачиваясь, волочила ноги по паласовым цветочкам, как по этапу каторжник в кандалах. Переход этот сопровождался остервенелой зевотой, чесанием лопаток и грязно-бурым сиянием ауры.

Дошедши до заветной двери и машинально оттягивая резинку мятых, но ещё крепких трусов, недавно подаренных „с варского зада" любовником жены, Дядя Юра застыл потрясённый. Глаза окончательно разлиплись вместе со ртом. В паутинке слюны, колыхающейся меж губ, отражалась пустая туалетная комната. Слепого Хью не было. Струйки воды, набегающие на пятки бодрящим ужасом, вывели Дядю Юру из столбнячной позы. Большой палец дёрнулся, резинка хлопнула, принимая привычное положение.

Он выскочил в коридор. Вода бежала из стоявшего на шкафу радио, диктор хрипел и отплёвывался.

Дядя Юра одним махом повернул выверпул кругешок до отказа влево. Напор уменьшился, но вода таки сочилась. Кажется, что-то начинало происходить.

Органы познания тыкались в происходящее и слепые мысли несли их отчёты, мучаясь несъедобностью. Они предложили дяде Юре механику движений годы назад, старательно вышколив его и почивали себе. А теперь мысли эти, застигнутые не в лучшем виде, расползались, забыв о единстве в те зеркальные комнаты, где множество крат преломившись, строили порядок, вне слов, вне логики, вне себя.

. . . . . .

Дядя Юра обернулся на взгляд. Позади, во фрунт стоял Хью.

– Э-э-э! Указательный палец ночного мученика медленно поднимался на водо-бочковую голову дуэльным пистолетом.

– Брось! Я не могу быть учителем, но этот совет брата.

Звук „я" прекратился.

– Если бы ты не был готов, я не ушёл бы и вообще ничего не было бы!

. . . . . .

Всё. В зеркальных комнатах случился новый порядок. Дядя вздрогнул и помедлив, спокойно ответил:

– Вообще ничего не быть не может.

– Я ушёл, чтобы взять тебя и понять другое.

– Я готов, – Д.Ю. пошарил в карманах, чтобы оставить всё лишнее, но ничего особенного не нашёл, разве что камешки с пучками волос. Да и карманов то не было.

– Какое странное это чувство – радость. Как будто что-то есть в тебе, хотя ни слова ни смысла. Но с той стороны, где нет сторон приходит радость от обладания этим. Некая сила уводит вверх, может быть та же, что всю жизнь водила за руку по ночной квартире,

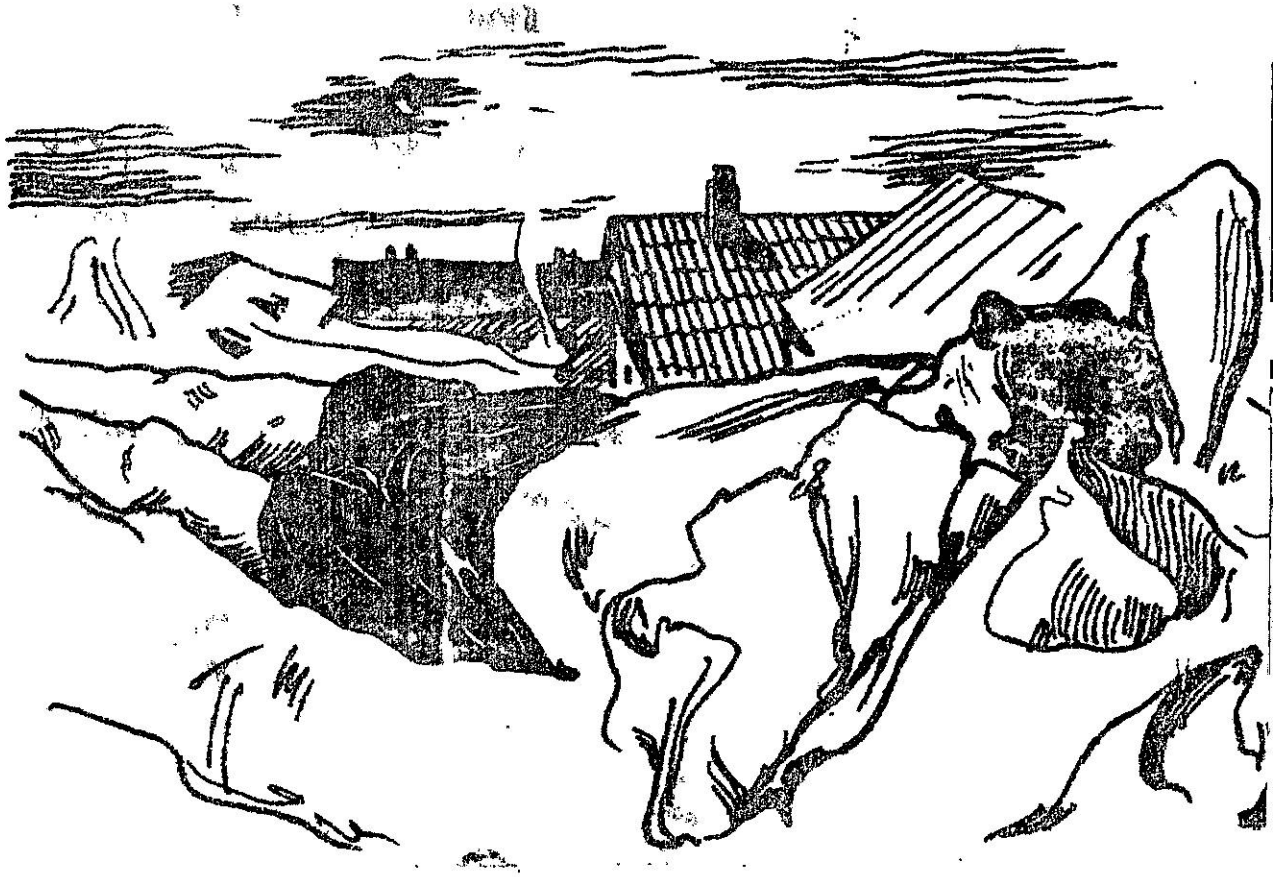
подыскивало место и лицо, сдавливало и разжимало сердце, изображая помпу, провоцировало на поступки, которые я никогда не понял бы...

- Брат, я не так слеп, мы двинемся по направлению.
- Как её...?
- Не стоит, оно Фау Дма, слово ответа.
- Откуда...?
- Ты сказал мне его.
- Я так и знал, ну и...
- Так было всегда!
- А-а-а! Дядя Юра ещё долго стоял, теряя очертания.

Последнее, что он услышал от Хью:

- Посмотри на ча-с-с-ы-ы-ы.

Стрелки выдавили стекло и стояли перпендикулярно циферблату. В зеркальных комнатах вспыхнул свет. Диктор радио вещал о Мессии...



Куда мы плывем
28 снов подряд
Я рад иллюзии легкого воздуха
Тропики тайно пусты
Кости в реке
Признак того,
что в ней содержится яд
Движение дерева
И моя неподвижность в нем
Это всего лишь лодка
С натуралистом покоя...

Карлики с печальными глазами
прячутся в седой траве газонов
в верхнем слое плодородной почвы
снятым экскаваторной машиной
для прокладки теплотрассы к лесу
чтобы отогреть его животных
в верхнем слое плодородной почвы
снятым механическим манером
Аполлоном Юрьевичем Шуйским
умершим до этого от страха
перед необъятием Вселенной
Аполлоном Юрьевичем Шуйским
в мехколонне 238
не работавшим при жизни никогда
только в гуще леса
в павших листьях
привалив бока к дымящим трубам
звери теплотрассные согреты
видят сны и любятся как люди
видят сны как высоко над всеми
при температуре минус десять
при умеренном порыве ветра
проплывают в никуда газоны
корпус экскаваторной машины
с Аполлоном Юрьевичем Шуйским
и торжественно за ними следом
карлики с печальными глазами
с высоты роняют поздравленья
с праздником 7-ого ноября ;

В. МАЛЬКОВ

В моем доме одно окно,
За окном пейзажа основа -
Гаражи и дощатый забор,
Каждый день повторяются снова.
Как основа торчит труба,
Высшей точкой преодоления.
Как основа моя судьба,
А быть может как приложение.
Двух берез отпечаток в стекле,
И пятно улетающей птицы.
Только нет ничего, что вне
Ограниченной рамой границы.
Если только разбить стекло?
Но я думаю, не сумею,
Есть одно роковое но,
Очень страшно поранить шею...

Противоречия во мне и вне меня,
Я их связую, разделив пространство,
На внутренность и внешность бытия
Взаимосвязи, каждой клетки шанса,
Пройти по венам, проползти меж стен,
Всемирного сердечного мотора,
По липкой ткани кровяных телец,
Глотающих способность кислорода.
Отчаянно к желанному стремясь,
Не думая, какой ценой дается,
Но разделяя истинную связь,
С бессмысленным желанием бороться.
Перемещаясь в завтра и вчера,
Прочувствовав, что час перемещают
Противоречия здравого ума
С поступками, каких не понимают.
Не растоптав дарованный покой,
Увидев как различие вплеталось,
Между твоей привычною рукой,
И той, что для меня предназначалась...

О себе просто говорить
Реестр сложности не нужен.
В обед холсты переварить,
И рамы поедать на ужин,
Не различаясь в голосах,
Топыря пальцы в встречном ветре,
Надумавшем глумиться всласть,
И ставить кляксы на конверте.
В пространстве узкоплечих стен,
Где о шагах не знают ноги,
Где проворачивает мел,
Калейдоскопы аналогий -
Учитель знает, что сказать,
Его достаточно учили,
И набухают на губах,
Давно придуманные притчи,
Что тошнотворной белизной,
Сквозь щели капают в жилище,
И разливаются свечой,
По предсказаньям пепелища.
В которых скорый самосуд,
И приютившись на насесте,
Униженные тут как тут,
И оскорбленные на месте...

В складках тишины
Прячется испуг.
Выползают сны
Пальцами из рук.
Наполняют вздох
Веером ресниц.
Выскребают мох
Пухом гусениц.
К сломанной спине
Ластится жара.
Облетает смерть
Даже мошкара.
Вывихом плеча
Недоношен суд.
Выкидыш вождя
Странники несут.
Под ногами муть
В траурной кайме.
Небывалый крюк
Схватками желе.
Профиль рождества
Вышит без затей.
Кто из нас?! Братва!
Станет Моисеем?!
Кто за всех, за нас
Будет Самоедом?

Соберемся в пляс,
И прольемся следом.
Выдолбим живот
Из сырой земли.
И схороним плод,
Бог его прости.
Отскоблим глаза
От дурных вестей,
И исполним па
Дождевых червей...

Истрачено движение вперед,
К обратному разбегу полушарий.
И строки разорвали переплет,
И чинные листы перемешали.
Сплетая силы в яростный бросок,
Самозащиты или наказанья,
Но перебрав на вечной жажде впрок,
Сметают в рот остатки оправданья.
А пустота ладони и молва
Безумье точки производят в норму.
И женщина сжимается в слова,
Приобретая новый цвет и форму.
Напоминая тембром полузвон,
Сгущая темнотонность оперенья,
Не оставляет шансов на потом,
И вспарывает брюхо у терпенья.
И переводит стрелку на порыв,
И на часах присутствует бессменно.
И плачет мальчик, за стеной забыв,
Что все когда-то было беспредельно.
И бренные сосуды поглотив,
Стекает накипь по щекам игрушек,
Сжигая кожу, разрывая мир,
И глухотою затекая в уши.
И я уже не чувствую мотив,
Лишь отдаленно ощущаю что-то.
Лишь профиль тела телом обручив,
Переживаю трудную работу.
Лишь до проталин зная ритуал,
Дышу надрывно, изрыгая пену,
И падаю в зияющий провал,
С постели, уползающей на стену...

НОВОСТИ ТВОРИЩЕСТВА

С 18 по 24 ноября 1989 г. в Тамбове в здании драмтеатра им. Луначарского прошла 4-ая выставка Творищества.Это была первая посмертная выставка Александра АЛЬРО – замечательного художника,графика,поэта и теоретика современного искусства.Печать влияния творчества Альро лежит на всех участниках Творищества.Множество живописных работ,графических рисунков,прекрасные стихотворения,формотворчество,безусловно, не смогли уместиться в пределах одной выставки,и,поэтому экспонировалась только малая часть.Это,в основном,юношеские работы,несколько поздних картин и программная для творчества Альро "Поэма А".К сожалению,почти полное отсутствие рекламы помешало познакомиться широкому зрителю с наследием Мастера.Но мы надеемся,что в ближайшее время творчество Альро станет,наконец,доступным.

Журнал "Неофит" издается за счет пожертвований читателей.Издатели журнала надеются,что найдутся заинтересованные люди,желающие пожертвовать деньги на развитие нашего издания и стать подписчиками "Неофита".За информацией по этому поводу обращаться по телефону в г.Тамбове 37-100 /спросить Сашу/.

Творищество публикует номер телефона / 37-100 / для обратной связи.Нам было бы интересно,если читатели высказали бы свое мнение о нашем издании.

Дизайн цветной обложки:А.Тормосов
Дизайн черно-белой обложки:Р.Туктар
Тираж 30 экз.
Прочитал передай другому.